

Почему я смеюсь, когда говорю о смерти

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Мое имя Тамаз Арсеньевич. Я член Российского теософского общества. Вы будете в ваших передачах рассказывать о русских свя-
тых, о Сергии Радонежском, Серафиме Саровском?

— Да, это интересно, разговор о святых важен, но еще важнее говорить о Боге. В стране 80 лет не было Бога, люди попытались уйти от него. И вот религия признана государством, но слова Евангелия по-прежнему звучат очень редко, а ведь это слова Бога. Когда священник выходит на телевизионный экран и начинает рассказывать о том, как важно служить государству, как важно быть добрым, — это все очень нужно, но об этом могу говорить и я, а его задача — прежде всего говорить о Боге, о том, как важно служить Богу.

— Меня зовут Николай, я пастор Евангельской христианской церкви. В нашей стране вроде бы существует свобода совести и вероисповеданий, но однако же для различных конфессий разные условия.

— Наша страна живет и в будущем и в прошлом сразу. Она еще только учится свободе. И только когда все верующие получат право беспрепятственно исповедовать то, во что они верят, мы станем воистину свободными.

— Меня зовут Ольга, мне 17 лет. Я в прошлом году с большим удовольствием смотрела цикл ваших передач про Наполеона и, во-первых, хочу вам за него сказать большое спасибо, а во-вторых, у меня к вам довольно странный вопрос. Почему вы так радостно смеетесь, когда рассказываете, что кого-нибудь казнили?

— Это важный вопрос, очень много людей мне его задают. Я не готовлюсь к съемке, иначе это будет лекция. Я прихожу, включаю камеру — и я начинаю импровизировать... И уже во время рассказа я понимаю, о чем буду рассказывать дальше... И если в этом я вижу некую иронию истории, я смеюсь, весьма удивляя своим неожиданным весельем зрителей. Спасибо, смотрите и дальше, хотя в 17 лет следует больше гулять, меньше сидеть у телевизора...

— Я стараюсь записывать все ваши передачи, но, к сожалению, не всегда получается. Скажите, можно ли где-нибудь купить ваши аудио- или видеозаписи?

— Этот вопрос я получаю в огромном количестве писем. Эти передачи легче купить на Брайтон-бич, где их продают на «пиратских» кассетах, там их переписывают и продают. В России они тоже были выпущены, но все было моментально распродано. Мы выпустим эти кассеты, я понял, что это нужно.

— Это действительно нужно, причем в вашем исполнении.

— Я готов это обещать. В следующем году обязательно выйдут.

— Амелькович Сергей, город Пинск, Брестская область. Читал вашу книгу «Сталин», там вы пишете, что это сам Сталин организовал убийство Кирова.

— Я пишу другое. Представить Сталина в виде мафиози, который предлагает убить своего ближайшего сподвижника органам государственной безопасности, — значит не понимать этого человека. Сталин, как и положено умному правителю, конечно же просил охранять Кирова, и охранять его как можно тщательнее. Точно так же как просила Екатерина II, уезжая из Санкт-Петербурга, как можно внимательнее охранять сидевшего в крепости Иоанна Антоновича. Но исполнительные люди должны понимать не то, что цари говорят, а то, что они хотят... Поэтому Иоанн Антонович был тут же убит. И догадливый Ягода тотчас организовал убийство Кирова. Диктаторы не злодеи — они предлагают злодеями быть обслуживающему персоналу.

— Диктаторы не злодеи — они предлагают злодеями быть обслуживающему персоналу.

чей тех тысяч мужиков, которые с религиозным сознанием в душе разрушат свои церкви, с мечтой о добре и справедливости зальют всю страну кровью и потом сами себя погубят. Он — необходимое звено между Сталиным и Николаем в попытке объяснить наш двадцатый век. Николай, Сталин и Распутин. Цари: последний из династии Романовых и первый из династии большевиков, а между ними представитель народа — забитого, полуграмотного, вечно нищего, безмерно доброго и безмерно талантливого.

— Распутин действительно был диким, развратным мужиком?

— Распутин был близок к религиозному направлению хлыстов, но сам хлыстом никаким не был. И часть его религиозного опыта — сексуальный опыт. Он соединил блуд с молитвой. У Толстого есть такая фраза: «Кому у нас хочется христианство с похотью, кому с войной, каждый у нас по себе устраивает себе христианство».

— В конце концов можно было не заикливаться на материалах комиссии Временного правительства. Была, например, книжка Симановича.

— Многие из того, что рассказывает Симанович, — это мифы, включая знаменитое предсказание Распутина о гибели Романовых, которое начинается с обращения: «Русский царь...». Это не язык Распутина, это язык Симановича. Но он конечно же знал Распутина, и я его цитирую в книге, правда, проверяя. В мою

думаешь». И еще нет этого вчерашнего унижения, когда я был должен звонить все время в приемную министра культуры Демичева и просить выпустить меня на очередную премьеру. Пьесы шли у меня тогда по всему миру... В западных проспектах писали слова из американского «Бэк стейдж»: «самый ставящийся на Западе русский автор после Чехова».

— Татьяна Полина из Самары. Здравствуйте, Эдвард Станиславович. Какие сны вам снятся? Не приходилось ли вам разгадывать во сне загадки истории?

— Я сплю без снов. А загадки разгадываю во время телесъемок. Это одна из главных причин, почему я выступаю по телевидению. Когда включают камеру, то во мне возникает некая внутренняя картинка. Я не могу ее точно описать, но все, что я говорю, я вижу... И мне кажется, зрители это чувствуют.

— (Вопрос, пришедший по Интернету от студентов.) Мы видели вас один раз на улице, кажется, что вы боитесь людей. Или нам показалось?

— Иногда люди на улице подходят и говорят вам очень хорошие слова, но вы не знаете, как на это реагировать, и бормочете что-то как идиот... Я предпочитаю ускользнуть и мало появляюсь на улице.

— Марина из Киева. Хотелось бы узнать, издаются ли ваши книги на Западе, какие отклики читателей на них?

— Да, конечно. И рецензии на эти книги были в «Нью-Йорк таймс», «Таймс», «Шпигель», «Монд», «Фигаро», «Дейли телеграф», «Экономист»... Я могу долго перечислять названия крупнейших газет и журналов, которые печатали рецензии на мои книги. Но самое интересное — почта от западных читателей, она многое объясняет «нам о них».

— Вам звонит Михаил из Москвы. Распутин — кто он?

— Он человек, исчезнувший в мифе. В издании Чрезвычайной комиссии Временного правительства были в основном напечатаны показания людей, которые его ненавидели. Эти показания должны были доказать, что полуграмотный мужик руководил Россией, царица была послушным орудием в его руках, царь был безволен и так далее... Кроме того, ходило множество сплетен, которые остались в мемуарной литературе и переходят из книги в книгу.

Я не мог работать с образом, созданным политикой и молвой. И я отказывался писать о нем до тех пор, пока мой друг Мстислав Ростропович не позвонил мне и не сообщил, что купил на «Сот-бис» дело — продолжение протоколов Чрезвычайной комиссии. Я вычислил существование этого дела несколько лет назад, это были показания людей, которые любили Распутина, верили ему... Это была пестрая толпа людей. Монахи сибирских монастырей, знаменитые приверженцы Распутина — Лохтина и Головина, две совершенно разные женщины. Лохтина, любовница Распутина, бывшая лывица петербургского света, сочетавшая пронзительный ум и безумие, и дочь камергера Головина, которую Феликс Юсупов, будущий убийца Распутина, называл «чистой девушкой».

Большевик Бонч-Бруевич был влюблен в Распутина, писал восторженные статьи о нем. Распутин — это удивительный человек, который жил внутренне праведно в оболочке непростанного греха, который являлся грозным предте-
чей тех тысяч мужиков, которые с религиозным сознанием в душе разрушат свои церкви, с мечтой о добре и справедливости зальют всю страну кровью и потом сами себя погубят. Он — необходимое звено между Сталиным и Николаем в попытке объяснить наш двадцатый век. Николай, Сталин и Распутин. Цари: последний из династии Романовых и первый из династии большевиков, а между ними представитель народа — забитого, полуграмотного, вечно нищего, безмерно доброго и безмерно талантливого.

— Распутин действительно был диким, развратным мужиком?

— Распутин был близок к религиозному направлению хлыстов, но сам хлыстом никаким не был. И часть его религиозного опыта — сексуальный опыт. Он соединил блуд с молитвой. У Толстого есть такая фраза: «Кому у нас хочется христианство с похотью, кому с войной, каждый у нас по себе устраивает себе христианство».

— В конце концов можно было не заикливаться на материалах комиссии Временного правительства. Была, например, книжка Симановича.

— Многие из того, что рассказывает Симанович, — это мифы, включая знаменитое предсказание Распутина о гибели Романовых, которое начинается с обращения: «Русский царь...». Это не язык Распутина, это язык Симановича. Но он конечно же знал Распутина, и я его цитирую в книге, правда, проверяя. В мою

книжку был очень жесткий доступ. Этот доступ определяет царская полиция. Агенты отмечали каждого, входившего в распутинский дом. И я смотрел, есть ли автор показаний или мемуаров в документах полиции. Если он там был, то допускался в мою книжку.

Главное в Распутине — тайна. К сожалению, в книгах о нем она исчезает... Он или очень скучен, или похож на героя Генри Миллера, который с дымящимися фаллосом бегаёт по столице... В его жизни было два периода, и они необычайно отличаются. Первый период, который я называю «Тарзан в Нью-Йорке». Мужик, который пришел в Петербург, почитает важных людей и церковных иерархов. Его принимает епископ Сергий, у которого он живет. Его ближайший друг — это Гермоген. Прелесть в том, что Гермоген был тем ректором Тифлисской духовной семинарии, который исключил оттуда Сталина, а Сергий станет впоследствии первым сталинским патриархом... В этот период он и сам не пьет и запрещает пить вино всем своим последователям. Он часами стоит на молитвах... А потом наступает страшный второй период, в котором он сам скажет своему поклоннику Сазонову: «Я дьявол».

Распутин — это удивительный человек, который жил внутренне праведно в оболочке непростанного греха.

И еще один из неожиданных уроков этой книги. В России перед революцией была элитарная аристократия и буржуазия, они воспитывались в Оксфордах, Кембриджах, блестяще были образованы, одна кадетская партия чего стоила — какие люди! Набоков, Милоуков, Маклаков с его предсказанием о скорой революции гнева и мести темных масс. Плюс великие князья, тоже получившие великолепное образование. И все они, вся эта элита хотела непременно продолжать войну. Только три человека в России не хотели этой войны, тайно не хотели. Это была царица, ее подруга Вырубова и полуграмотный мужик Григорий Распутин. Впрочем, еще был четвертый, который также понимал значение этой войны для будущей катастрофы строя — и радовался началу войны. Он жил тогда за границей. Его имя было Владимир Ленин.

— Аним Виктор Вольфович, врач-анестезиолог. Мне кажется, что надо в ваших передачах осветить тайну смерти людей, которые «так кстати» умирали: Киров, Дзержинский, Жданов, Фрунзе...

— Можно вспомнить монолог Бориса Годунова у Пушкина: «Кто ни умрет, я всех убийца тайный». Сталин создал ситуацию, когда все, даже умиравшие естественной смертью тотчас порождали этот слух.

— Рано или поздно захоронения у Кремлевской стены будут перенесены. При перезахоронении можно будет тем, кто не кремирован, провести судебно-химическую экспертизу.

— То, что вы предлагаете, интересно, потому что вполне вероятно часть трупов окажется с мышьяком. Но главное — убрать кладбище с Красной площади, оно, конечно же, на ситуацию в стране действует. И особенно — главное незахороненное тело. Продолжающееся промежуточное состояние общества, возможно, связано и с этим.

— Меня зовут Инна Громова, я читатель газеты «Известия», смотрю регулярно ваши замечательные передачи. Что вы собираетесь делать для театра? И вообще какие у вас планы на будущее?

— Для театра? Для театра потом. Сейчас я закончил трилогию — Николай — Сталин — Распутин, а дальше буду писать роман — сагу о жизни в России, от смерти Достоевского до смерти Сталина. Кроме того, сейчас закончил повесть. Это разговоры де Сада, Бомарше и Шатобриана. Разговоры, конечно, воображаемые, но многие их мысли подлинны. И обещал Табакову сделать пьесу по этой повести, это и будет моя попытка вернуться в театр. Надеюсь, что вернусь, спасибо вам.

— Вас беспокоит Юлия из Москвы. Раньше вы из ничего делали что-то, из жизни и любви — «104 страницы про любовь», например, а сейчас вас все больше тянет на разных брутальных типов. Что, года к суровой прозе клоняет?

— Эти брутальные типы определяют русскую историю почти до сегодняшнего дня. Мы все еще только пытаемся выйти из сталинской шинели. Я занялся брутальным типом Сталиным, потому что он, к сожалению, все еще живая история, он и сейчас живет в нас...

Что же касается тем любви, поверьте — они для меня живы. Я готов вернуться в этот любовный театр и начать писать пьесы. Вообще театр — это потрясающее место, где всем женщинам, то бишь актрисам, немалоза 20, что бы с ними ни происходило, ну а мужчинам близко к 30. Спасибо вам за звонок. У вас прелестный голос. Я готов вернуться в театр.

Михаил ГОХМАН

ИЗВЕСТИЯ — «Прямая линия»

Эдвард РАДЗИНСКИЙ:

Почему я смеюсь, когда говорю о смерти

Эдвард Радзинский один из самых известных драматургов. А еще это человек, который знает об исторических персонажах больше, чем профессиональные историки.

Л. АСТАХОВ

— Меня зовут Ирина Исаевна Серебряная. Я учительница, сейчас пенсионерка. Прошу вашего ответа одним словом: вы за то, чтобы был гимн на музыку Александрова?

— Нет. Как вы, вероятно, догадались. Хотя бы потому, что сквозь эту музыку будут поневоле проступать старые и довольно интересно звучащие нынче слова типа «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь», где каждое слово — очень горькая насмешка.

— А что делать? Что-нибудь можно сделать?

— В России лежат некие грабли, на которые все непременно хотят наступить, и не один раз. Черномырдин сказал это раз и навсегда... Безусловно, хотели как лучше и в этот раз тоже.

— Меня зовут Катя, я почетательница «Известий», хотела у вас узнать по поводу гимна. Вот тут на первой странице написано, что интеллектуальная элита против советского гимна. А вы за какой гимн?

— Я вообще-то болею за «Динамо». Если вас это интересует... Все попытки налить новое вино в старые мехи всегда заканчивались одинаково. Как писано в Евангелии, оно их разрывает...

— А вот если от политики абстрагироваться, какая музыка вам нравится больше? Мне — музыка Александрова. Она больше будоражит, и для меня со сталинизмом она не связана. И эмоционально меня больше трогает музыка Александрова, я Глинку не чувствую.

— Если у музыки Глинки будет соответствующая аранжировка, вы услышите мощь этого гимна. И вообще, как говорят злобные музыканты, которые в этом понимают, в отличие от меня, глухого, соревнование между великим Глинкой и Александровым может происходить только в сумасшедшем доме.

— Добрый день, это Сергей, город Москва. Огромное вам спасибо за ваш цикл передач о Сталине, книга тоже замечательная. Какие-нибудь еще предполагаются проекты на телевидении?

— Проектов будет уже немного, потому что, видимо, скоро заканчиваю свою телевизионную жизнь. Это связано с очень большой работой, которой я начинаю заниматься. Но я обязательно сделаю передачу о Ленине. О человеке, который мечтал уничтожить государство... и создал самое страшное государство, который был одним из самых интеллигентных людей и сделал все, чтобы цвет интеллигенции покинул Россию. Атеист Ульянов, который в виде нетленных мощей лежит в храме атеистической религии. Самое сильное, что в нем было, это речь и возможность мыслить. Он перед смертью был лишен и того и другого... И, наконец, в его судьбе есть очень важные корни для понимания того, что может быть с Россией в будущем.

(Окончание на 7-й стр.)

9.12.2000
Радзинский Эдвард

Известия - 2000 - 9 дек - с. 1, 7.